

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

ГРАЖДАНСКИЕ ПЛЕННЫЕ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Первая мировая война привела к появлению в Олонецкой губернии особой социальной группы – гражданских пленным, то есть подданных враждебных государств, находившихся в России на момент начала войны. В отличие от военнопленных, нахождение которых в крае уже широко освещалось в научной литературе, гражданские пленные в Олонецкой губернии пока не изучались историками. В фондах Национального архива Республики Карелия находится комплекс дел, связанный с подачей прошений гражданских пленным о переходе в российское подданство. На их основе была создана база данных, анализ которой позволил составить общее представление о гражданских пленным, высланных в Олонецкую губернию. Значительное внимание в статье уделено изучению повседневной жизни гражданских пленным, их взаимоотношений с властями и местными жителями. Было установлено, что несмотря на значительные этнокультурные различия, местное население не выражало агрессии по отношению к новой социальной группе. Ее присутствие в Карелии носило временный характер. После окончания войны гражданские пленные покинули эту территорию.

Ключевые слова: гражданские пленные, Карелия, Олонецкая губерния, Первая мировая война, крестьянство

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации». Номер регистрации: 121070700117-1.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кривоноженко А. Ф. Гражданские пленные в Олонецкой губернии в период Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 21–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.689

ВВЕДЕНИЕ

В период Первой мировой войны структура населения Карелии подверглась глубокой трансформации. Важным фактором такого изменения стали беженцы из западных губерний и контингент вольнонаемных рабочих развернувшегося накануне войны железнодорожного строительства. Другой весомой причиной, определившей процесс трансформации местной весьма инертной социальной системы, были военнопленные и гражданские пленные. Факт присутствия первых в Олонецкой губернии хорошо известен. В разных контекстах нахождение здесь военнопленных в период Первой мировой войны изучали Р. Нахтигаль [8], Е. С. Намятова [7], К. М. Агамирзоев [1], Е. Ю. Дубровская и Н. А. Кораблев [4].

Положение гражданских пленным в Олонецкой губернии во время войны остается неизучен-

ным. Отметим, что лишь в сборнике документов «Карелия в годы Первой мировой войны», изданном Национальным архивом Республики Карелия, представлена небольшая подборка документов, касающаяся гражданских пленным¹. Кратко эта проблема упоминается и в монографии Т. И. Трошиной «Великая война и Северный край» [12: 221–222]. Однако в последнее время появляются работы, посвященные гражданским пленным [2], [6]. Особое внимание уделяется такой дискуссионной проблеме, как правовое положение этой группы людей [9], [10].

Цели статьи – изучение на материалах Олонецкой губернии положения гражданских пленным в период Первой мировой войны и оценка их влияния на те или иные социально-экономические процессы, происходящие в регионе. Особенно важным является изучение взаимоотношений гражданских пленным с местным

населением. Достижение указанных целей важно с точки зрения определения той роли, которую гражданские пленные играли в процессе социальных трансформаций², начавшихся в регионе в 1914 году и завершившихся после окончания Гражданской войны.

Что касается методологической базы исследования, то, помимо общеисторических, возникла необходимость широкого применения просопографического метода. Это обстоятельство продиктовано значительным количеством выявленных источников, связанных с биографиями отдельных людей. Географические рамки исследования включают территорию Олонецкой губернии. Хронологические рамки – 1914–1918 годы. Они обусловлены периодом нахождения гражданских пленнх на изучаемой территории. В общей сложности в работе использованы материалы восьми фондов Национального архива Республики Карелия. Среди них – фонды жандармерии, полиции и органов государственного управления. Кроме архивных документов, использованы опубликованные источники.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАЖДАНСКИХ ПЛЕННЫХ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Для понимания сути понятия «гражданский пленный» необходимо в общих чертах рассмотреть это понятие с точки зрения дореволюционного законодательства. Пребывание иностранцев в пределах Российской империи регламентировалось Законами о состояниях. Под иностранцами законодательство понимало всех лиц, не обладающих российским подданством. Иностранцы могли свободно проживать на территории России, имея на руках национальный паспорт и ряд других документов. Одним из главных условий такого проживания являлось соблюдение российского законодательства. В свою очередь, иностранцы пользовались его «защитой и покровительством»³. Иностранец мог перейти в российское подданство, выполнив ряд процедур. В общих чертах они выглядели следующим образом. Самым важным условием являлось предварительное пятилетнее водворение. Иностранец обращался к местному губернатору с просьбой о предоставлении ему специального водворительного свидетельства. Лишь по прошествии пяти лет нахождения в статусе водворенного он мог просить губернатора о переходе в российское подданство. Прошение рассматривалось в МВД. В случае положительного ответа водворенный приводился к присяге в местном губернском правлении⁴.

Иностранцы могли десятилетиями проживать на территории России без изменения подданства.

Зачастую в этом не было необходимости, поскольку их правовой статус не накладывал ограничений, заметно влиявших на социально-экономическое положение. Начавшаяся мировая война кардинально изменила их жизнь. Из мирных жителей они превратились в подданных вражеских держав, что повлекло негативные последствия.

Отправной точкой для осуществления санкций против подданных враждебных держав стал подписанный 28 июля 1914 года Николаем II указ «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года». В первом пункте указа требовалось задержать и выслать с места жительства в качестве военнопленных всех находящихся в России подданных враждебных государств, которые были на военной службе, а также тех, кто мог быть призван в армию⁵.

Одним из мест высылки гражданских пленнх стала Олонецкая губерния. Они начали прибывать сюда в первые месяцы войны. Большинство было выслано осенью – в начале зимы 1914 года. Затем количество прибывших стало сокращаться. Точных сведений относительно численности гражданских пленнх, находившихся в губернии в период войны, нет. Об этом можно судить лишь по косвенным сведениям. По всей видимости, речь идет о нескольких сотнях человек. Так, только в августе 1914 года из других губерний в Пудожский уезд в порядке административной высылки через Петрозаводск прибыло 57 германских подданных⁶. По оценке губернатора М. И. Зубовского, сделанной в мае 1916 года в ответ на запрос из МВД относительно возможности высылки в край немецких колонистов, Олонецкая губерния к тому времени уже была «переполнена военнопленными и административно высланными германцами и австрийцами»⁷.

Сведения о гражданских пленнх в Карелии в период войны немногочисленны и разрозненны. Нами были выявлены лишь несколько архивных дел, материалы которых дают возможность достоверно проследить жизненный путь людей, высланных в губернию в 1914 году. Подобные дела хранятся в фондах станowych приставов и уездных полицейских управлений. В то же время в фонде Губернского правления отложился целый комплекс дел, связанных с пребыванием гражданских пленнх. Речь идет о прошениях, поданных на имя олонецкого губернатора, для принятия в российское подданство. Каждое такое дело в отдельности недостаточно информативно. Однако анализ подготовленной нами базы данных на основе выявленных прошений позволяет создать общее представление о социальном

портрете гражданского пленного, высланного в Карелию.

Всего за период Первой мировой войны в фонде Губернского правления отложилось 109 прошений подданных вражеских государств. Лишь 6 из них – прошения военнопленных (все – Австро-венгерской армии). Важно понимать, что это количество не должно автоматически отождествляться с численностью гражданских пленных в Карелии.

Основная часть прошений о переходе в российское подданство была направлена во второй половине 1914 – первой половине 1915 года, что можно объяснить, с одной стороны, стремлением как можно быстрее вернуть себе прежние права и возможность возвратиться на родину. С другой стороны, постоянные отказы властей в удовлетворении прошений быстро сделали очевидной бесперспективность подобных обращений. Как правило, в выявленных делах содержится не только прошение, но и небольшая анкета. На этих материалах и была подготовлена база данных. Малоинформативные дела, содержащие лишь формальное прошение о переходе в российское подданство, не учитывались в подготовленной выборке. В общей сложности в нее вошла информация о 80 гражданских пленных. 70 из них были мужчинами, что объясняется целью, которая преследовалась высылкой. Но лишь 26 гражданских пленных мужского пола (из 49, возраст которых достоверно известен) были призывного возраста. На практике реальных механизмов мобилизации таких людей в армию у правительств Германии и Австро-Венгрии не было ни в мирное, ни в военное время. Только 39 из этих мужчин предоставили сведения о том, проходили ли они ранее действительную военную службу на исторической родине. Положительный ответ дали лишь семеро. Таким образом, анализ сведений из подготовленной базы данных свидетельствует о том, что абсолютное большинство тех людей, которые в нее попали, не могли быть призванными в армии своих стран, поскольку были или женщинами, или мужчинами непризывного возраста.

Одной из реальных причин такой необоснованно масштабной высылки могло стать то, что российские власти опасались шпионажа со стороны вражеских подданных. Эта идея нашла широкий отклик и в российском обществе. Так или иначе, но массовая высылка иностранных подданных, которые по объективным причинам не могли быть призваны в ряды враждебных армий, связана с одной из главных характерных черт административной ссылки, практикуемой

в России, – ее внесудебным характером. Люди поражались в правах не на основе квалифицированного судебного разбирательства, а по распоряжению местных чинов исполнительных органов власти [5: 19]. При этом важно, что административная высылка активно практиковалась и в мирное время, когда ее невозможно было объяснить чрезвычайностью переживаемого страной периода.

91 % людей из выборки являлись подданными Германии. Такой значительный перевес над количеством австро-венгерских подданных объясняется намного более тесными историческими и экономическими связями России (прежде всего остзейских губерний) с Германией. Несмотря на иностранное подданство, лишь 13 человек из выборки родились в Германии и один – в Австро-Венгрии. Более того, детальный анализ показывает, что большинство из этих 14 человек были перевезены в Россию родителями в детстве. Таким образом, для 83 % человек из выборки Россия являлась местом рождения. В общей сложности они были уроженцами 13 губерний. 30 % из них были выходцами из Волынской губернии, в которой в XIX веке сформировались многочисленные немецкие сельскохозяйственные колонии. 24 % родились в Петроградской губернии. Эти цифры коррелируются с данными о том, откуда были высланы в Олонецкую губернию просители. Из 49 человек, о которых есть достоверные сведения, 29 % были представителями Волынской губернии и 35 % – Петрограда и Петроградской губернии.

Составить общее представление о национальном составе этих просителей не представляется возможным. Достоверно заявили о своей национальности лишь 28 человек. Среди них были 18 немцев и немок, 6 поляков, три эстонца и один чех.

Религиозный состав прибывших в Олонецкую губернию гражданских пленных отличался от сложившейся здесь конфессиональной картины. Почти половина из представленных в выборке людей были лютеранами, а 27 % – католиками, что в целом соответствовало сложившейся на тот период религиозной ситуации в Германии и Прибалтике. В начале XX века в Олонецкой губернии уже были представлены обе эти конфессии, и относительно малочисленные прибывшие на религиозный состав населения края в целом не повлияли. Однако анализ их религиозной принадлежности позволяет сделать вывод об одном важном изменении. Многие из высланных сюда людей исповедовали баптизм. Это религиозное течение протестантского толка было почти

не известно в Олонецкой губернии до Первой мировой войны. Перепись 1897 года не зафиксировала здесь ни одного баптиста⁸. Накануне войны на этой территории их были единицы [З: 653]. Высылка в край гражданских пленнх привела к появлению здесь представителей этой конфессии. Подсчеты показывают, что 13 % людей из выборки были баптистами. Все они были высланы из Житомирского уезда Волынской губернии.

Экономическая активность гражданских пленнх накануне войны затрагивала самые разные сферы жизни. Судя по анкетным данным, среди них были земледельцы и садовники, рабочие различных промышленных предприятий, ремесленники, учителя, аптекари, работники пищевой промышленности, административные работники предприятий, чернорабочие, а также один помещик. Рабочие промышленных предприятий, как правило, высылались в Олонецкую губернию из промышленно высокоразвитой Владимирской губернии. Родиной земледельцев была Волынская губерния, а из Петрограда происходило большинство конторщиков, аптекарей, кондитеров и булочников.

В контексте исследования важно проанализировать географию расселения гражданских пленнх в Олонецкой губернии. В различных архивных фондах имеются сведения об их проживании во всех уездах. Особенно много высланных отправлялись в два наиболее удаленных уезда губернии – Пудожский и Каргопольский. Из последнего было подано 58 % всех зафиксированных в выборке прошений о переходе в российское подданство.

Почти все прошения о переходе в российское подданство, направленные на имя олонецкого губернатора, остались неудовлетворенными. Формальным поводом для большинства отказов являлось отсутствие водворительного свидетельства. Лишь 14 % просителей имели этот документ, однако у некоторых он оказался просрочен. Отсутствие свидетельств объяснялось просителями разными причинами, которые можно свести в несколько групп: незнание законов или собственная оплошность, нежелание тратить время на оформление документов («объясняется это присущим мне, как и многим людям, свойству все откладывать в долгий ящик, что связано с хлопотами, поездками, расходами и пр.»⁹), возможность свободного проживания в России будучи иностранцем («не ходатайствовал вследствие того, что жить было хорошо и никто такового (свидетельства. – А. К.) не требовал»¹⁰), вера в невозможность войны между Россией и Германией.

Среди других поводов для отказа в переходе в подданство было несовершеннолетие просителя, необходимость предоставить документы о прекращении состояния в браке (в случае с вдовами, если до замужества они были российскими подданными). Кроме того, отказы могли зачастую сопровождаться формальной формулировкой об отсутствии государственной пользы от принятия в российское подданство германских подданных. При этом периодически на полях губернатор оставлял резолюции, которые могут расцениваться как реальные мотивации к отказу: «Нужно было раньше об этом просить, а не во время войны»¹¹, «...мы ее не знаем, пусть просит по окончании войны»¹².

В редких случаях губернатор соглашался поддержать ходатайство. Так, на прошении 48-летней жительницы Петрограда Лидии Бирзак, высланной в Каргополь, он написал: «Кажется, это одна из тех, которые могут быть приняты в русское подданство». В сопроводительных документах в МВД указал, что поддерживает ходатайство. Однако из министерства пришел отказ ввиду отсутствия у просительницы водворительного свидетельства¹³.

Насколько принципиально выдерживалась линия отказа в принятии в российское подданство высланных австро-венгерских и германских подданных, свидетельствует дело врача О. М. Арнда, работавшего накануне войны в Эстляндской губернии и оказавшегося после ее начала в Вытегре. Пытаясь решить проблему перехода в российское подданство, О. М. Арнд не только упомянул в прошении своих видных родственников – ректора Петроградского университета Э. Д. Гримма и члена Государственного совета Д. Д. Гримма. Ему удалось заручиться рекомендательным письмом последнего на адрес губернатора. Однако даже таких рекомендаций оказалось недостаточно, и из МВД пришел отрицательный ответ¹⁴.

С учетом вышеизложенных фактов весьма редким исключением являются четыре удовлетворенных прошения о переходе в российское подданство. Они касались учительницы немецкого языка из Мариинской гимназии в Петрозаводске С. Е. Бем, железнодорожного инженера Г. Мартыновского, прибывшего на строительство Олонецкой железной дороги еще до начала войны, и двух жителей Петрограда – А. Шлейвига и В.-Ф. Кюна¹⁵. Из тех материалов, которые отложились в архивных делах, непонятны причины положительных решений по прошениям этих людей. Например, доподлинно известно о наличии водворительного сви-

детельства на момент подачи прошения лишь у Г. Мартыновского.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГРАЖДАНСКИХ ПЛЕННЫХ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Губернская администрация была настроена неукоснительно следовать всем циркулярам, приходившим из МВД относительно регулирования положения гражданских пленных. 22 октября 1914 года уездным исправникам было разослано требование «установить самые строгие меры наблюдения за их деятельностью, не допускать никаких послаблений, независимо от их положения за личной своей ответственностью»¹⁶. По усмотрению местного полицейского начальства высланные могли размещаться или в уездном городе, или сельской местности. Выбор места проживания определялся в зависимости от возможности установления эффективного надзора, а также перспективы найти высланному лицу заработок¹⁷. Допускалось размещение высланных гражданских пленных и в Петрозаводске¹⁸. Местные полицейские чины устанавливали за ними гласный надзор, передвижение строго регламентировалось, а почтовая переписка должна была вестись на русском языке и подлежала цензуре. Получение корреспонденции в обход полиции грозило поднадзорному лицу военным судом¹⁹.

Если административно ссыльные получали ежемесячное казенное денежное содержание в размере от 2 руб. 40 коп. до 10 руб. 16 коп. [5: 19], то гражданские пленные должны были проживать в месте ссылки за свой счет. В качестве исключения губернская администрация допускала выплаты небольших сумм. «При условии действительной нужды» из казны им выдавался арестантский паек, а также 5 коп. в сутки. Взрослым членам семьи гражданского пленного в случае, если они добровольно приехали с ним, при крайней надобности материальная помощь оказывалась в том же размере, а детям – уменьшенном в два раза. Поскольку пленные должны были снимать жилье у местных жителей, казна могла оказать помощь на эти цели в размере 3 руб. 50 коп. на взрослого и 1 руб. 75 коп. на ребенка, но не более 7 руб. в месяц на семью. Однако в инструкциях местным полицейским чинам оговаривалось, что выплата этих средств гражданским пленным «относительно необязательна и должна проводиться с большой осмотрительностью»²⁰.

Медицинская помощь пленным должна была оказываться за свой счет и лишь в крайнем случае за счет казны²¹. Тем не менее, судя по рапорту из пудожской уездной земской больницы, бесплатная медицинская помощь оказывалась вы-

сланным в значительном объеме. С января 1915 по январь 1918 года в земской больнице лечились 84 гражданских пленных, на что земством было потрачено 1859 руб. 28 коп.²²

Материальное положение гражданских пленных было неудовлетворительным. Имеющиеся сбережения в условиях постоянного роста цен быстро закончились. Возраст, состояние здоровья, отсутствие навыков физического труда не давали возможность добывать средства к существованию. 36-летняя жительница Петрограда Маргарита Клинкерт была выслана в Олонецкую губернию в 1914 году «в качестве военнопленной» и проживала в деревне Поля Типиничкой волости в доме крестьянина В. О. Трошкова. Летом 1917 года в прошении о материальной помощи она писала:

«Много я пережила очень тяжелого для меня как для человека интеллигентного, жившего умственным трудом, а теперь бездействующего, ибо к физическому труду я не способна по слабости здоровья»²³.

Через несколько дней М. Клинкерт совершила самоубийство, поводом к которому послужили частые нервные срывы, болезнь и тяжелое финансовое положение: из 20 руб., которые она нерегулярно получала из Петрограда с прежнего места работы, она отдавала крестьянам за еду и проживание сначала 15, а затем 18 руб. ежемесячно²⁴.

Часто наиболее нуждающиеся гражданские пленные получали небольшое денежное содержание от Австро-венгерского и Германского комитетов помощи пленным. Деньги поступали через консульство нейтральных на тот момент США в Петрограде, а затем – через шведское²⁵. Если позволяли условия, то военнопленные искали возможность заработать средства для жизни физическим трудом. Мужчины отправлялись на распиловку дров²⁶. В отдельных случаях высланные обладали квалификацией, позволяющей найти заработок по специальности в Олонецкой губернии. Например, высланный в Петрозаводск из Петрограда 54-летний германский подданный К. Прейс до войны работал на кожевенных производствах в столице. Пленный достиг соглашения с местным крестьянином Н. И. Ерошкиным о переезде в деревню Ерошкина сельга для работы в его кожевенной мастерской. Однако закрепиться на новом месте К. Прейсу не удалось: в январе 1915 года губернатор М. И. Зубовский потребовал его возвращения в Петрозаводск, хотя несколькими месяцами ранее разрешил работать в деревне²⁷.

В архивных фондах нам не удалось выявить сведения о конфликтных ситуациях между мест-

ными жителями Олонецкой губернии и гражданскими пленными. Это может свидетельствовать о том, что если они и происходили, то были единичными. Причины лояльного отношения жителей деревень или городов к гражданским пленным можно объяснить с нескольких позиций. Прежде всего нужно отметить, что для дореволюционной карельской деревни политические ссылки были привычным явлением. Особенно характерным оно было для Кемского уезда Архангельской губернии. После начала Русско-японской войны, прервавшей высылку в Восточную Сибирь, увеличился поток административно-ссыльных и в Олонецкую губернию [11: 70].

Как было показано выше, абсолютное большинство прибывших в Олонецкую губернию гражданских пленнх родились или большую часть жизни провели в России. Как правило, не существовало языкового барьера. Многие высланные из Волынской губернии были вчерашними земледельцами, что позволяло им легче адаптироваться к реалиям олонецкой деревни. В документах отмечено даже желание одного из пленнх из этой губернии после перехода в российское подданство остаться на жительство в Каргопольском уезде «на одинаковых правах с крестьянами». Как показывает пример М. Клинкерт, высланные из Петрограда образованные подданные вражеских государств были близки с местной сельской интеллигенцией. В частности, М. Клинкерт дружила с земской учительницей, обучала ее французскому языку. Поддерживалось и бытовое общение с крестьянами деревни Поля, хотя местный полицейский стражник противодействовал этому. Так, он поставил на вид М. Клинкерт недопустимость повторения ситуации, когда она предложила болеющей крестьянке капли и мазь²⁸. В целом можно предположить, что восприятие местными крестьянами многих гражданских пленнх было близко их отношению к земской интеллигенции.

Отметим несколько фактов перехода гражданских пленнх из католичества или лютеранства в православие, которые были зафиксированы в ряде сельских приходов и уездных городах²⁹. На наш взгляд, переход в конфессию, исповедуемую местным населением, был вызван практическими целями. Во-первых, стремясь повысить свои шансы на благоприятное решение, этот факт особо отмечался при подаче прошения о переходе в российское подданство³⁰. Во-вторых, переход в православие потенциально способствовал более тесной интеграции с местным крестьянским сообществом, что было крайне важно для гражданского пленного в условиях отсутствия види-

мой перспективы возвращения из ссылки домой. Вообще же культурные (прежде всего религиозные) отличия гражданских пленнх от местного православного населения были, скорее, объектом интереса со стороны крестьян. Хорошо подтверждает этот тезис рапорт приставу 1-го стана Петрозаводского уезда о похоронах 4 мая 1915 года в селе Вознесенье умершей австро-венгерской подданной Оттингер. На похоронах было до 40 человек германских и австрийских гражданских пленнх и 24 постоянно проживавших здесь финляндцев. Звучали молитвы на немецком и финском языках. По свидетельству местного урядника, на похоронах было также 12 местных жителей, но они «никакого участия не принимали и были любопытствовать»³¹.

Небольшое число гражданских пленнх были местными жителями, прежде всего Петрозаводска. По всей видимости, помимо ограничений на передвижение, новый статус серьезно не повлиял на их положение в городской среде. Мирное соседство на протяжении многих лет и хорошая репутация позволили сохранить преимущественно лояльное отношение к ним со стороны горожан. Так, в Петрозаводске во время войны продолжала работать кондитерская германского подданного Н. Г. Гейнемонда. Местные жители, как и до войны, покупали его продукцию. Однако заказывать муку и другие продукты для хлебопекарного дела владельцу стало труднее: для выезда в Петроград необходимо было получить специальное разрешение у министра внутренних дел³².

Периодически в адрес губернатора поступали анонимные доносы на гражданских пленнх с обвинениями в шпионаже. Мотив для подобных действий можно видеть в патриотическом подъеме, но нельзя исключить и намеренного искажения фактов вследствие личной неприязни. В фонде олонцкого губернатора отложилось несколько подобных документов. Например, в апреле 1915 года поступил донос на местного кондитера немецкого происхождения:

«У нас в Вознесенье г.[осподин] пристав даже не препятствует гулять обывателям с немцами, но и разрешает булки немецкие есть. Немец печет, а несколько немчат малых и пожилых разносят по русским квартирам».

Донос имел характерную подпись: «верно-подданный русского государя императора самодержца всероссийского»³³. В другом случае в августе 1915 года до М. И. Zubовского дошел донос на Жанну Дуберг – уроженку Лифляндской губернии, служившую экономкой в имении отставного генерал-лейтенанта А. Ф. Саблина в Лодейнопольском уезде: «...в названом уезде

проживает на реке Ояти немка, ведущая частную переписку на своем языке». Доносчик требовал выселить немку, «в противном случае должны будем сообщить выше». В результате разбирательства уездный исправник выяснил, что донос был написан сестрой генерала, возможно, на почве личной неприязни. Резолюция губернатора на донос была предельно лаконична: «Значит, русская подданная»³⁴.

РЕЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПЛЕННЫХ ИЗ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Брест-Литовский мирный договор, заключенный 3 марта 1918 года между Россией и Центральными державами, изменил правовой статус гражданских пленнх. Дополнительный договор к мирному соглашению регламентировал и участь этих людей. Им разрешалось вернуться на прежнее место жительства³⁵. Другим важным изменением в судьбе бывших гражданских пленнх стало радикальное упрощение в апреле 1918 года процедуры перехода в российское гражданство, которое было реализовано пришедшими к власти большевиками. Отныне для этого требовалось лишь подать соответствующее заявление³⁶.

Имеются только отрывочные данные о том, какое количество гражданских пленнх находилось в Олонецкой губернии к началу лета 1918 года. В Повенецком уезде – 61 человек, в Олонецком – 14, в Петрозаводске – 14³⁷. Во всех этих случаях речь идет не только о пленнх, но и о членах их семей, добровольно приехавших вслед за высланными.

Организацией выезда бывших военнопленных занималась Олонецкая губернская коллегия по делам пленнх и беженцев. Активное участие в этом принимала также Королевская шведская миссия³⁸. 5 июня 1918 года все гражданские пленные были освобождены от надзора милиции и получили возможность уехать из Олонецкой губернии³⁹. Выезд основной части военнопленных состоялся довольно быстро. В июле их не было уже в Повенецком и Каргопольском уездах. В Пудожском временно оставалось лишь три человека. В августе гражданские пленные выехали из Олонецкого уезда⁴⁰. Фиксировались единичные случаи, когда бывшие гражданские пленные пожелали остаться в Олонецкой губернии для дальнейшего проживания в качестве свободных граждан. 22-летний австро-венгерский подданный Владислав Цетнер, высланный из Холмской губернии, остался проживать в деревне Гладышевой Шунгской волости, а 25-летний Ян Крахт продолжил жить в Повенце⁴¹.

Самый поздний обнаруженный нами в документах факт присутствия в Олонецкой губернии гражданских пленнх относится к февралю 1919 года. Тогда председатель Петрозаводского комитета помощи германским пленным Г. Рейс в ответ на предложение ликвидировать комитет сообщил, что в Петрозаводске все еще проживало несколько (помимо его самого) бывших гражданских пленнх⁴².

ВЫВОДЫ

Гражданскими пленными в одночасье стали люди, всю жизнь или много лет проживавшие в Олонецкой или других губерниях Российской империи. Многие из них никогда не были за границей и получили иностранное подданство от родителей, давно переехавших в Россию. Другие переехали сюда в раннем детстве. Для третьих Россия стала второй родиной, где они жили и работали уже не один десяток лет. Это были люди самого разного социального происхождения и профессий. Объединяло их одно – отсутствие российского подданства на момент начала войны. Попытки перейти в него после начала войны были безрезультатны. За единичными исключениями такие прошения под разными предлогами отклонялись на уровне олонецкой губернской администрации или МВД.

Анализ имеющихся списков гражданских пленнх показал, что многие из них не могли быть призваны в армии своих стран в силу возраста или пола. Такая «неразборчивость» в высылке этих людей с постоянного места жительства объясняется самим характером административной ссылки, который не подразумевал квалифицированного судебного разбирательства. Однако в отличие от остальных административно ссыльных, гражданские пленные были вынуждены жить в месте водворения за свой счет, без помощи казны.

Среди гражданских пленнх были представители различных национальностей, не характерных для Олонецкой губернии в начале XX века. Абсолютное большинство из них исповедовало католицизм и протестантизм, а также баптизм – религиозные течения, которые были малоизвестными или вообще неизвестными местному населению. Между тем этнокультурные отличия не вызвали у него заметной антипатии к гражданским пленным. В целом малочисленность гражданских пленнх на фоне коренного населения Олонецкой губернии не позволяет говорить о каком-то заметном влиянии этой социальной группы на трансформационные процессы в дореволюционной Карелии как в социально-экономической, так и этнокультурной сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карелия в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Verso, 2014. С. 323–330.
- ² Под социальной трансформацией с методологической точки зрения мы понимаем быстрое изменение природы общества, вызванное разнообразными факторами.
- ³ Канторович Я. А. Законы о состояниях. СПб.: Изд. Юридич. кн. склада «Право», 1911. С. 640.
- ⁴ Там же. 663–672.
- ⁵ Авербах Е. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1915. С. 70.
- ⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 194. Оп. 1. Д. 15/518. Л. 3.
- ⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/735. Л. 175.
- ⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 27: Олонецкая губерния: тетрадь 3 (последняя). [СПб.]: Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. С. 42.
- ⁹ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2695. Л. 2.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2777. Л. 25 об.
- ¹¹ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2694. Л. 1.
- ¹² НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2653. Л. 1.
- ¹³ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2761. Л. 1, 7 об., 10.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2679. Л. 2, 10, 15.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2662, 108/2659, 108/2842, 103/2707.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 621. Оп. 1. Д. 6/9. Л. 14.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 324. Оп. 3. Д. 91/1513. Л. 4.
- ¹⁹ НАРК. Ф. 621. Оп. 1. Д. 6/9. Л. 8, 9, 15.
- ²⁰ Там же. Л. 4.
- ²¹ Там же. Л. 17.
- ²² НАРК. Ф. Р-794. Оп. 3. Д. 2/19. Л. 10 об.–11.
- ²³ НАРК. Ф. 324. Оп. 3. Д. 91/1513. Л. 100.
- ²⁴ Там же. Л. 47 об., 76.
- ²⁵ НАРК. Ф. 619. Оп. 2. Д. 16/287. Л. 14; НАРК. Ф. Р-794. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 155.
- ²⁶ НАРК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 65/14. Л. 55.
- ²⁷ НАРК. Ф. 619. Оп. 1. Д. 41/10. Л. 16–23.
- ²⁸ НАРК. Ф. 621. Оп. 1. Д. 6/10. Л. 13, 26.
- ²⁹ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2777. Л. 21; НАРК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 65/14. Л. 31.
- ³⁰ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2653. Л. 1.
- ³¹ НАРК. Ф. 619. Оп. 2. Д. 16/287. Л. 9.
- ³² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/7. Л. 149.
- ³³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/6. Л. 232.
- ³⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/7. Л. 97.
- ³⁵ Документы внешней политики СССР. Т. I. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 176.
- ³⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 421–422.
- ³⁷ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 11, 45, 49.
- ³⁸ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/10. Л. 33.
- ³⁹ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/20. Л. 2.
- ⁴⁰ Там же; НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/10. Л. 33; Д. 1/5. Л. 135.
- ⁴¹ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/20. Л. 2.
- ⁴² НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 197.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамирзоев К. М. Путь на Север. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 154 с.
2. Бахтурина А. Ю. Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из прибалтийских губерний Российской империи в 1914 году // Новый исторический вестник. 2020. № 3. С. 6–23.
3. Дроздук А. А. Баптисты в Олонецкой губернии 1911–1917 гг. (к вопросу об исследовании явления в местном сообществе) // Притяжение Севера: язык, литература, социум: Материалы I Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 653–663.
4. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 425 с.
5. Земляков А. В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 2. С. 17–20.
6. Кириллов В. М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 2 (29). С. 88–97.
7. Намятова Е. С. Документы Национального архива Республики Карелия по истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 50–62.
8. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога, 1915–1919: военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

9. Познахирев В. В. «Военнопленные» и «гражданские пленные» Первой мировой войны: к вопросу о содержании и разграничении понятий (на примере подданных Османской империи) // Клио. 2014. № 8. С. 107–109.
10. Ростиславлева Н. В. «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3. С. 79–97.
11. Славнитский Н. Р. Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции (по материалам архива Министерства юстиции) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.90
12. Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 344 с.

Поступила в редакцию 19.03.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Alexander F. Krivonozhenko, Cand. Sc. (History), Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

CIVILIAN CAPTIVES IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The First World War led to the formation of a special social group in the Olonets Province – civilian captives who were the citizens of the hostile states living in Russia at the outbreak of the war. Unlike war prisoners, the civilian captives in the Olonets Province have not been studied by historians so far. There is a number of cases related to the civilian captives in the funds of the National Archives of the Republic of Karelia related to them applying for Russian citizenship. The analysis of the database created on the basis of these documents made it possible to form a general idea about the civilian captives sent to the Olonets Province. The article also pays considerable attention to the study of the everyday life of the civilian captives, their relationships with the authorities and local residents. It was found that despite significant ethno-cultural differences the local population did not express aggression towards the members of the new social group who temporarily lived in Karelia and left this territory after the end of the war.

Key words: civilian captives, Karelia, Olonets Province, World War I, peasantry

Acknowledgements. The study was conducted as part of the RAS Karelian Research Centre project No 121070700117-1.

For citation: Krivonozhenko, A. F. Civilian captives in the Olonets Province during the First World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):21–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.689

REFERENCES

1. Agamirzoev, K. M. The way to the north. Petrozavodsk, 2008. 154 p. (In Russ.)
2. Bakhturina, A. Yu. The eviction of German and Austro-Hungarian subjects from the Baltic provinces of the Russian Empire in 1914. *The New Historical Bulletin*. 2020;3:6–23. (In Russ.)
3. Drozdjuk, A. A. Baptists in the Olonets Province of 1911–1917 (the issue of studying the phenomenon in the local society). *Attraction of the North: Language, Literature, Society: Proceedings of the international research and practice conference*. Petrozavodsk, 2018. Part 1. P. 653–663. (In Russ.)
4. Dubrovskaya, E. Yu., Korablev, N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 425 p. (In Russ.)
5. Zemlyakov, A. V. Administrative exile in the Russian Empire in the late XIX and the early XX centuries. *Omsk Scientific Bulletin*. 2003;2:17–20. (In Russ.)
6. Kirillov, V. M. Contemporary national historiography on the campaign of “the fight against German dominance” during World War I. *Perm University Herald. History*. 2015;2(29):88–97. (In Russ.)
7. Namyatova, E. S. The documents of the National Archives of the Republic of Karelia on the history of the World War I. *Herald of an Archivist*. 2014;4:50–62. (In Russ.)
8. Nakhtigal, R. Murmansk railway, 1915–1919: military necessity and economic considerations. St. Petersburg, 2011. 320 p. (In Russ.)
9. Poznaikhirev, V. V. The prisoners of war and civil prisoners of the World War I: revisiting the content and distinction between notions (exemplified by the Ottoman Empire subjects). *Klio*. 2014;8:107–109. (In Russ.)
10. Rostislavleva, N. V. “I was civilian prisoner No. 52 for all those unforgettable years”: on the status of Russians in Germany during the First World War. *The New Historical Bulletin*. 2020;3:79–97. (In Russ.)
11. Slavitsky, N. R. The exile to Olonets Province on the eve of the First Russian Revolution (on the archive materials of the Ministry of Justice). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;2(171):70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.90 (In Russ.)
12. Troshina, T. I. The great war and the northern region. European North of Russia during the First World War. Arkhangelsk, 2014. 344 p. (In Russ.)

Received: 19 March, 2021; accepted: 28 June, 2021